

В Антарктиду ать-два

После возвращения из очередной экспедиции ожидал увидеть известного белорусского исследователя шестого континента Алексея Гайдашова хотя бы немного подуставшим. А он явился свежий, загорелый

— Хорошо выглядите. Это вы в экспедиции так отдохнули?

— Намеряете на то, что я почти по полгода провожу на юге? В Антарктиде во время нашей зимы, действительно, лето. Но на том юге не до загара. А имидж курортника — это результат стараний супруги, которая все-таки сумела вытащить меня после экспедиции на десять дней к теплому морю. Без пингвинов и айсбергов.

— Кстати, про айсберги. Как вы, уроженец сухопутной Беларуси, стали профессиональным полярником?

— Родина приказала.

— ???

— Не удивляйтесь. В числе наших антарктических станций была одна особенная. Все ее сотрудники были военными и, хотя на станции не носили погоны, задачи решали специфические.

— А именно?

— В семидесятые годы прошлого столетия обнаружилось, что Антарктида идеально подходит для уточнения орбит спутников, корректировки траекторий ракет, точного расчета координат объектов «условного противника». Вот Министерство обороны СССР и организовало свою станцию на западной оконечности континента. Называлась она «Ленинградская». На ней в 1988-1989 годах я и провел свою первую зимовку. Та командировка заняла полтора года.

командировка заняла полтора года.

Мечта, а не служба

— Это была реализация мечты или служебная необходимость?

— То и другое. Будучи старшеклассником, отучился в Минской морской школе ДОСААФ, в молодые годы активно занимался спортом. По гражданскому образованию я географ, окончил БГУ. Во время учебы в качестве аквалангиста объездил с экспедициями большинство озер Беларуси. И настал момент, когда родине потребовались мои навыки и умения одновременно в разных ипостасях. Тогда и был направлен на станцию «Ленинградская» в Антарктиду.

— Какая экспедиция оказалась самой сложной?

— Если чисто психологически, то первая зимовка на той самой военной станции. Даже на подводной лодке экипаж составляет от нескольких десятков до полутора сотен офицеров и матросов. И автономность не превышает 90 дней. На орбитальную космическую станцию регулярно прибывают экспедиции посещения. А на «Ленинградской» нас было всего 14 человек.

Характер далеко не у каждого ангельский. Изю дня в день больше года одни и те же лица. Доходило и до конфликтов, до своеобразной дедовщины. Не до мордобоя, конечно, но все же. Например, некоторые майоры вдруг вспоминали, что они старше по званию, и начинали «строить» совершенно не подчиненных им по службе лейтенантов. Но начальник станции такие вещи строго пресекал.

— Работа чередовалась с досугом, развлечениями?

— Компьютеров и Интернета тогда еще не было. Зато имелись бильярд и настольный теннис. Но основной отдушиной оказался кинопроектор «Украина», на котором наш военный хирург — нештатный киномеханик — крутил всеми любимые фильмы «Бриллиантовая рука», «Кавказская пленница», «Берегись автомобиля», «Экипаж»...

Кстати, именно в той экспедиции мне удалось зафиксировать рекордную на то время скорость ветра в Антарктиде — 78 метров в секунду.

Ветром сдуло

— Каковы ощущения при таких порывах?

— Соответствующие. Тем более что сила воздушного потока была еще больше. Просто на скорости 78 метров в секунду все датчики как ножом срезало, и замеры производить оказалось нечем. Но по косвенным признакам — вибрация здания, нарастающий гул — ветер дул заметно сильнее. Достаточно сказать, что не осталось ни одной антенны, многие складские помещения смело,

пятидесятикубовую емкость с топливом сорвало с креплений и сбросило почти с полукилометровой высоты к подножию хребта. Непогода стихла только через неделю.

— Попыток зафиксировать новый рекорд не было?

— Случилась одна. Я тогда молодой был, горячий. Попросил товарищей подстраховать меня и, обвязавшись канатом, выбрался в самый разгар бури наружу с ручным прибором. Только выполз из двери, как меня подняло над землей и несколько раз крепко приложило о жесткую скалистую поверхность. Коллеги, к счастью, вовремя сообразили, что происходит, и быстренько втянули меня обратно. Долгое время эта скорость ветра считалась рекордной для Антарктиды, и лишь несколько лет назад, с появлением более современных и надежных средств измерения, там был зарегистрирован порыв ветра скоростью 90 метров в секунду.

Возвращение

— С распадом Союза прервалось и участие белорусов в антарктических экспедициях. Как вам удалось спустя полтора десятка лет пробить возобновление этой работы?

— В феврале 2006-го меня и еще нескольких ветеранов-полярников пригласили в Москву на празднование 50-летия начала советских, а затем и российских регулярных исследований Антарктики. Мероприятие получилось весьма впечатляющим. Нас принимали в Государственной Думе, потом — вечер в Колонном зале Дома Союзов. Мы увиделись с коллегами, с которыми зимовали лет 20-30 тому назад. Состоялись встречи с легендарным полярником Артуром Михайловичем Чилингаровым и начальником Российской антарктической экспедиции Валерием Владимировичем Лукиным, очень тепло вспоминая совместную работу с белорусами. Это нас буквально окрылило. Вернувшись домой, мы создали

инициативную группу, вышли на Белорусское географическое общество, предложили организовать при нем секцию полярных исследований. А еще выяснилось, что с аналогичной инициативой выступила Национальная академия наук Беларуси, возглавляемая тогда Михаилом Владимировичем Мясниковичем. Неоценимую поддержку как в начале этого процесса, так и сейчас оказывает единственный в Беларуси выпускник Ленинградского высшего инженерного морского училища имени адмирала Макарова академик Владимир Федорович Логинов — однокашник Чилингарова по учебе. Инициатива НАН Беларуси и белорусских ветеранов-полярников была представлена Михаилом Мясниковичем Президенту страны и нашла у него поддержку. Уже в июне 2006 года был принят закон «О присоединении Республики Беларусь к Договору об Антарктике». Спустя еще два месяца утверждена соответствующая государственная программа, а в ноябре двое наших ученых отправились на российском судне «Академик Федоров» в первую белорусскую экспедицию.

— Говорят, что для возвращения в науку вам пришлось ликвидировать собственную вполне успешную фирму.

— Был у меня на то время небольшой строительный бизнес, что приносило неплохой доход, но не давало профессионального и морального удовлетворения. Да и полярником нельзя быть наполовину. Пришлось выбирать.

Город будет!

— В минувшем сезоне работы на обычном месте базирования белорусской экспедиции «Гора Вечерняя» не велось. Ваша группа трудилась на российской станции «Прогресс». Это говорит о том, что сроки начала строительства полноценной отечественной станции, ранее намечавшиеся на 2014 год, отодвигаются?

— Вовсе нет. Просто пока идут ведомственные согласования, разработка и окончательное утверждение проекта, подготовка к тендеру по выбору поставщиков, мы занимались чисто научными вопросами. Результаты этих исследований будут обработаны к сентябрю. Но уже сейчас можно говорить о том, что несколько белорусских приборов успешно выдержали испытания в полевых условиях. Это очень важно для планирования и организации дальнейшей работы в Антарктиде. С использованием этих приборов велось исследование и в интересах Национальной космической программы.

Что же касается отечественной станции, то, несмотря на определенные трудности, работа идет в соответствии с намеченным планом. Первые конструкции нашей станции должны отправиться в район российской станции «Молодежная» во второй половине октября этого года. Сроки сжатые, но пока реальные.

— Прямо как у Маяковского: «Я верю, город будет!»...

— Город не город, а компактный поселок из 8-10 автономных, но взаимосвязанных модулей, рассчитанный на 12-14 человек, к 2018 году будет обязательно.